

УДК 141.142

Лаврова А.А., к. филос. наук, доцент
департамента философии УНЦ гуманитарных наук
ФГАОУ ВО «Московский физико-технический институт
(национальный исследовательский университет)»,
г. Москва, Российская Федерация

Ф. НИЦШЕ О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ПРИРОДЕ ЯЗЫКА

Хотя Ф. Ницше и не создал самостоятельной и оригинальной *теории языка*, он в своих работах затронул многие важные философские проблемы языка, такие, например, как проблема его происхождения, гносеологических и социальных его функций, природы языкового знака, семантики естественного языка и другие. Эти проблемы анализируются им с разной степенью детализации. Предлагаемая нами реконструкция лингвистических взглядов Ницше имеет историко-философский характер. Как представляется, данное учение очень прочно вписано в специфический контекст волюнтаристской «философии жизни», где весьма здравые идеи сочетаются с поверхностными спекуляциями и тонкие социально-психологические наблюдения пересекаются с «объяснениями» в духе вульгарного натурализма. В целом же ницшеанское учение о языке и его функциях самым тесным образом сплетено с его генеалогией сознания, с одной стороны, и с артистической антропологией, с другой.

Возникновение и развитие языка обусловлено, согласно Ницше, очень прозаической и в то же время насущной необходимостью выживания, сохранения и воспроизводства «определенного вида живых существ». Дитя природа, человек – еще вполне дикий и сопоставимый с другими обитателями Земли, - он уже отличается от них своей тягой к образованию сообщества, к общению с себе подобными. Это обусловлено физической слабостью человека, отсутствием у него «рогов или зубов» как средств индивидуальной защиты. «Поскольку индивид хочет удержаться среди других индивидов... хочет существовать в стаде, то он нуждается в мирном договоре и рассуждает поэтому, что из его мира должно исчезнуть по крайней мере самое brutальное – *bellum omnia contra omnes*» [2, т. 1/2, с.437]. Язык, считает Ницше, явился первейшим результатом этого «мирного договора». С его помощью «изобретается одинаково употребляющееся и обязательное обозначение вещей», так что «законодательство языка дает и первые законы истины» [Там же]. Таким образом, коммуникативная функция языка небезосновательно выделяется Ницше как самая существенная.

Как и большинство сторонников идеи естественного происхождения языка, Ницше, кроме того, отмечает и экспрессивную функцию языка, а также роль «естественных знаков» в глоттогенезе. Он пишет: «Древнее языка – подражание жестами, происходящее произвольно... Подражательный жест вызывал у

подражающего то же ощущение, какое этот жест выражал на лице или теле того, кому подражали. Таким образом люди учились понимать друг друга... Как только люди научились понимать друг друга с помощью жестом, в свою очередь появилась *символика* жеста: иными словами, люди сумели договориться о языке ударений – сперва звук и жест (который он символически замещал) производились одновременно, а потом остался только звук» [2, т. 2, с.161; см. также т. 3, с. 121-122, 541-543].

Но сначала, полагает Ницше, не было никакой символики и никакой системы, а только биологическая предрасположенность к этому. До некоторых пор первобытный человек был игрушкой в руках природных сил. Если можно было бы восстановить «внутренний мир» первобытного человека, то он, как думает Ницше, скорее всего представлял бы как полнейший хаос впечатлений. В работе «О пользе и вреде истории для жизни» он даже пробует сравнивать «внутренний мир» животного и человека и считает, что у первого не может быть устойчивого «внутреннего мира» ни в каком даже самом ограниченном смысле. Здесь впечатления сменяются впечатлениями, и ничего не «застревает», потому что животное накрепко привязано к колышку сиюминутного и мгновенно забывает предшествующее [См. 2, т. 1/2, с. 88-89]¹. А вот человек забывает отнюдь не все. Но для того, чтобы человек обрел память, он должен был быть поставлен в такие объективные условия, которые просто не позволяют ему забывать.

Физическая слабость и ущербность человека по сравнению с другими животными не дала бы ему никакого шанса выжить, если бы он не противопоставил «тирании действительного» свою хитрость, научившись по-особому обращаться с имеющимися у него впечатлениями, объединять их в группы, сопоставлять друг с другом, обозначать их и так далее. Постепенно у человека развивается и новый «орган» для такой работы – сознание. Но этот «орган», однако, не является только органической вещью, более того, он даже не принадлежит каждому отдельно взятому телесному индивиду, он – своеобразная коллективная собственность. Ницше предполагает, что «утонченность и сила сознания всегда находятся в прямой связи со *способностью общения* человека (или животного), а способность общения, в свою очередь, связана с *потребностью в общении*... Сознание есть, по существу, лишь коммутатор между человеком и человеком – лишь в качестве такового должно было оно развиваться: отшельническим и хищным натурам оно было бы ни к чему» [2, т. 3, с. 540-541].

Размышляя о причинах и естественных предпосылках возникновения языка, Ницше одновременно подвергает беспощадной критике тот способ, каким в языке осуществляется экспрессия и коммуникация. Он полагает, что присущий языку способ репрезентации (обозначения, именованя) является полностью произвольным, обслуживающим скорее человеческие пороки, чем отражающим честное и чистое

¹ Нет, очевидно, необходимости говорить о том, что психология животных представлена здесь Ницше в крайне упрощенном виде. Хотя для исследования проблемы глоттогенеза сопоставление психологии животных (приматов, в особенности) и человека имеет большое значение. Данное сравнение приведено философом, скорее всего, просто для красочности и не претендует на статус научного утверждения.

стремление к истине. «Здесь обман, лесть, ложь, тайное злословие, поза, жизнь, полная заемного блеска, привычка маскироваться, условность, разыгрывание комедий перед другими и перед собой, - короче, постоянное порхание вокруг пламени тщеславия – являются... и правилом и законом», - пишет Ницше [2, т. 1/2, с. 436]. Своеобразное обоснование такой оценочной категоричности содержится в его книге «Рождение трагедии из духа музыки».

Вслед за А. Шопенгауэром Ницше считает музыку, а не понятийную вербализацию, «универсальным языком», воплощающим некий «космический символизм». Он утверждает, что «музыка является как воля» и «в своей полнейшей неограниченности не нуждается в образе и понятии, но лишь терпит их рядом с собою» [2, т. 1/1, с. 46-47]. Музыка исходит из самого «сердца Первоединого», и «язык как орган и символ явлений... при всех попытках подражать музыке всегда соприкасается с нею лишь внешним образом» [Там же, с. 47]. Источником музыки, по Ницше, не могут служить переживания, образы или мысли музыкантов, которые принадлежат лишь миру явлений. Ее источник – «нечто, лежащее по ту сторону всякой индивидуации» [2, т. 1/2, с. 297]. Та или иная мелодия может вызывать какие-то переживания, образы, идеи, но никогда не может быть наоборот. Более того, Ницше полагал, что первобытный язык был образным, а буквальные значения слов были найдены позднее; что первоначальный язык существовал не в виде речи, а в виде пения [См. 2, т. 2, с. 27-28, 160; т. 3, с. 403-406].

Таким образом, по сравнению с первоначальным символизмом музыки, «феноменальный» символизм языка является вторичным. Зависимость слова от тона и ритма особенно наглядна в лирической поэзии, использующей образы и понятия. В лирической поэзии Ницше отмечает «высшее напряжение языка, стремящегося *подражать музыке*», напряжение, связанное с тем, что средства языка (слова, образы, понятия) всецело принадлежат феноменальному миру. В качестве наглядного примера двойственности и внутренней противоречивости языка «мы можем различать в истории языка греческого народа два главных течения в зависимости от того, подражал ли язык миру явлений и образов или миру музыки», - пишет Ницше, ссылаясь соответственно на Гомера и Пиндара [2, т. 1/1, с. 45].

Противоположность воли и представления далее рассматривается Ницше как противоположность дионисовского и аполлоновского, интуитивно переживаемого и умопостижимого. Чувства страдания и удовольствия оказываются основными и исходными проявлениями лежащей в основе мира и общей для человека и космоса воли. Это – глубинная интуиция, нашедшая убежище и пристанище в культе Диониса; она справляет свой триумф в дионисовских мистериях. В другое время и в других обстоятельствах дионисовское не говорит открыто, однако постоянно присутствует и как бы скрывается за словами говорящего, проявляясь в его тоне, манере. Аполлоновское же и связанное с ним «ограничивающее чувство меры,.. свобода от диких порывов,.. исполненный мудрости покой бога – творца образов» [2, т. 1/1, с. 25], хотя и является чем-то прекрасным в себе, не имеет, как полагает Ницше, столь глубокой основы, как дионисовское, и вырастает, собственно, на почве страха перед

всесокрушающим могуществом последнего. Символизм жеста (включающий и движение тела, и взгляд, и изменение дыхания, и, наконец, звуковые сигналы) действует исключительно в феноменальном мире, и в очень большой степени произволен, являясь как бы посредственным и приблизительным переводом с первоначального языка (музыкального, тонального) страдания и удовольствия.

Таким образом, тональная основа всякой речи – это дионисовское начало, истекающее из воли как глубинной «первопричины», общей всем живым существам. Символизм жестов с его постепенным перерождением в беспорядочное многообразие и условность языков – аполлоничен и стремится передать более ясный, но более специфический род переживаний, идей и образов, существующих лишь в завуалированной форме. Поэтому Ницше дает различную оценку двум упомянутым выше функциям языка. Экспрессивная функция законна и обязательна потому, что она связана с самим фактом *жизни*, с пульсированием грандиозного вместилища жизненной силы – первоосновной воли, каким-то внутренним чувством осязаемой как музыка. В ней воля провоцирует упорядоченность (мелодия) и мгновенно ее разрушает (диссонанс). Репрезентативная же функция языка вторична и произвольна потому, что не связана ни с какой онтологической, метафизической необходимостью. Более того, через нее язык неверно – по отношению к своему источнику и основе – ориентирует человека, приковывая к феноменальному миру.

Размышляя о природе языка, в небольшом эссе 1873 года «Об истине и лжи во неморальном смысле» Ницше высказывает предположение, что все слова, по сути, являются *метафорами*. Хотя данное эссе не было опубликовано при жизни философа и увидело свет лишь в 1903 году, его идеи повторялись, дополнялись и обрастали подробностями на протяжении всех последующих лет жизни. Эта работа почти дословно пересказывалась в «Человеческом, слишком человеческом», в «Веселой науке» и даже в текстах 1880-х годов, не вошедших в книги и известных как *Nachlass*. С помощью идеи метафоры Ницше экстраполирует принципы эстетической деятельности на все другие виды деятельности человека.

Он рисует следующую картину: существует некоторая исходная реальность жизни, становления, хаоса, которая непереносима для человека. Фантазируя, выдумывая слова, меру, число, закон и так далее, человек создает новый, *удобный* для его жизни мир, которым он заслоняется от враждебного мира хаоса. Этот второй, вымышленный мир становится для человека «реальным», в нем человек успешно действует и постепенно забывает о том, как этот мир появился. Забывает настолько, что перестает относиться с должным почтением к своей фантазии, передав право на исключительную ценность науке и вообще рациональному познанию с его идеалами истины, объективности, универсальности. Как пишет один из исследователей, «для Ницше проблема состоит не в *отсутствии реальности*, а в том, что ее *чрезмерно много*» [4, р. 17]. Громоздкое здание понятий заслоняет от нас действительность. А такое положение как раз и не устраивает Ницше.

Будучи «философом жизни», в качестве высшей истины он предполагает осведомленность именно о первореальности хаоса становления и, в связи с этим

говорит о статусе рациональных истин как иллюзий. Тезис о метафорах как раз и призван об этом напомнить: «Итак, что такое истина? Движущая толпа метафор, метонимий, антропоморфизмов, - короче, сумма человеческих отношений, которые были возвышены, перенесены и украшены поэзией и риторикой и после долгого употребления кажутся людям каноническими и общеобязательными: истины – иллюзии, о которых позабыли, что они таковы; метафоры, которые уже истрепались и стали чувственно бессильными; монеты, на которых стерлось изображение и на которые уже смотрят не как на монеты, а как на металл» [2, т. 1/2, с. 440]. Ницше хочет напомнить, что именно с художественного образования метафор «у нас начинается каждое ощущение», и лишь «полной затверделостью этих первичных форм объясняется возможность каким образом впоследствии из метафор может быть воздвигнуто само здание понятий» [Там же, с. 444]. Этот вопрос беспокоил Ницше в течение всей жизни и, как справедливо отмечает А. Данто, «ответ, который он дает в этом эссе, несмотря на его риторическое оформление и в некоторой степени пренебрежение к рациональной аргументации, он впоследствии никогда не пересматривает в каком бы то ни было существенном аспекте» [1, с. 48].

Желая еще более подчеркнуть непрозрачность, случайность и даже произвольность процесса возникновения нашего концептуального аппарата Ницше использует в том числе и язык физиологического идеализма, заимствуя его у своего современника Г. Гельмгольца: «Что такое слово? Передача звуками нервного раздражения... Возбуждение нерва становится изображением! Первая метафора. Изображение становится звуком! Вторая метафора. И каждый раз полный прыжок в совершенно иную и чуждую область» [2, т. 1/2, с. 438]. Слово, по существу, оказывается иносказанием, метафорой по отношению к некоторому реальному процессу, а именно к физико-химическому процессу жизнедеятельности организма. В этом случае семантика естественного языка должна относиться к биологической сфере.

Выраженная Ницше здесь, в текстах раннего периода творчества, оценочная категоричность во многом была обусловлена влиянием философии А. Шопенгауэра и его концепции искусства. Позднее она была в значительной мере смягчена самим Ницше по мере философского взросления и освобождения от «метафизических грез». Возможно, именно размышления о роли языка в формировании и развитии культуры привели Ницше к мысли о том, что вопрос о *ценности* человеческой культуры – какой бы несовершенной не представлялась она «метафизическому взору» - никак не может быть решен однозначно. Десятилетие спустя он напишет, что человек, «длительное время веря в понятия и названия вещей как в *aeternae veritates*,... развил в себе ту гордость, с помощью которой смог возвыситься над животным: он мнил, будто в языке и впрямь заключено познание мира... Из веры в то, что истина найдена, забили обильнейшие ключи силы» [2, т. 2, с. 27-28]. С другой стороны, сплачивая людей и придавая им уверенность в деле освоения мира, язык, как полагает немецкий философ, утрачивает значительную часть своей способности к обновлению и развитию. В какой-то момент истории язык начинает сдерживать

возможность включения в человеческую практику нового опыта жизни, получаемого, как считает Ницше, внелогичным, иррациональным путем. Такой «консервативный» аспект языка и становится впоследствии объектом самой ожесточенной критики с его стороны. «Слова стоят на нашем пути! - Всякий раз, найдя новое слово, древнейшие люди думали, будто совершили открытие. А в действительности все было иначе! – они затрагивали некую проблему, и, возомнив, будто разрешили ее, только создавали препятствие для ее разрешения. – Нынче, продвигаясь в познании, то и дело поневоле спотыкаешься об окаменевшие, усопшие слова, причем тут скорее сломаешь себе ногу, чем нарушишь слово», - пишет он [2, т. 3, с. 49].

Понимая всю сложность проблемы языка как универсального инструмента культуры, Ницше все же предпринимал определенные шаги для «исправления» языка. Разумеется, его первой заботой была критика языка философии, которой он занимался в рамках своего проекта «переоценки всех ценностей». Но речь шла не только об опровержении неверной точки зрения или о демонстрации пустоты и бессодержательности отдельных, пусть даже фундаментальных понятий, а о преодолении «силков языка» путем возвращения ему утраченных или забытых смыслов, об инициации тех творческих потенциалов, которые в языке изначально присутствовали. Говоря современными словами, Ницше деконструирует язык. Результат данных усилий, и это надо прямо признать, воплотился не столько в теоретической форме, сколько в совершенно особом стиле философствования, в нестрогой, с точки зрения классической философии, форме передачи мысли, в приоритете художественной драматургии перед концептуальной последовательностью и полнотой, в замене строгих понятий образами и метафорами, в апелляции не столько к разуму читателей, сколько к их эмоциям. И несмотря на анти-философский пафос сочинений немецкого философа, он все же остается философом для многих поколений читателей разных стран и народов [См. 3]. Непреходящая востребованность сочинений Ницше свидетельствует о том, что философия может быть разнообразной, разноликой, и должна находить отклик не только в умах, но и в сердцах людей.

Список использованной литературы

1. Данто А. Ницше как философ. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2001.
2. Ницше Ф. Полное собрание сочинений в 13-ти томах. М.: Культурная революция. 2005-2014.
3. Ницше сегодня. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.
4. Bornedal P. The surface and the abyss: Nietzsche as philosopher of mind and knowledge. B./N.Y.: W. de Gruyter, 2010.

© Лаврова А.А., 2019